

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Ю.С. Пивоваров

«ГРЯДЕТ ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОД»

**Пивоваров Юрий Сергеевич – академик РАН,
научный руководитель ИНИОН РАН.**

Жертвам и героям Февраля 1917 г.

«В терновом венце революций...» Эти строчки Маяковского помнятся со школьных лет. Он ошибся всего лишь немного. Оказалось: Семнадцатый. Однако, по сути, был прав, предчувствие не обмануло его.

Прошло сто лет. И вполне естественно спросить: «А похожа ли нынешняя Россия на ту, вековой давности?». Нет, конечно, нет. Ничего общего. Даже климат изменился. Хотя есть что-то неуловимо схожее с одной эпохой. Не событийно, в смысле – esprit. Начало тридцатых годов XX в. Покончено с НЭПом, с каким-никаким разномыслием в правящей верхушке, взят курс на построение социализма в одной стране, т.е. самоизоляция, не отменяющая, правда, практики вмешательства в мировые дела. Режим, сбросив с себя интернационалистский прикид, стремительно национализируется. К власти, оттесняя не вполне этнически русскую ленинскую гвардию, приходят коренные русаки. У них был свой вождь, они стали его прямыми назначенцами. Вдруг вспомнили про отечественную историю, находили себе корни и основу, написали правильный учебник. Энтузиазм масс, высокий накал квази-религиозного чувства, своеобразный посюсторонний «монотеизм». Успехи в строительстве военно-мобилизационной экономики, катастрофическое падение уровня жизни, убийство деревни и крестьянства. Творческая интеллигенция (в значительной своей части) присягает хозяину Кремля. Усиливается террор, постепенно становящийся стилем эпохи. Вождю слегка за пятьдесят, и он находится в прекрасной умственной и физической форме...

То есть начало тридцатых это и логическое продолжение и не менее логическое отрицание двадцатых. Это рождение и становление «теории»

и практики сталинизма. Того, что будет властвовать здесь до самой смерти Хозяина. Или до той самой поры, когда увидят свет нынешние начальники.

Юрий Тынянов говорил, что Пушкин погиб не от пули Дантеса, ему перестало хватать воздуха, и он задохнулся. Бывают такие времена, когда действительно воздух куда-то уходит. В начале тридцатых задохнулся Пастернак. Помню памятью ребенка начало пятидесятых. Тоже безвоздушие. Бродский писал об опыте борьбы с удушьем.

А еще что-то схоже с эпохами, когда Россия самоопределялась. После Флорентийской унии и падения Константинополя на Москве решили, что они теперь единственные хранители истины аутентичного христианства (уже не «греческого», но своего – русского), единственные, кто противостоят «латине». И сегодня мы защищаем традиционные христианские ценности, от которых якобы отказался Запад. Именно поэтому оппозируем ему. Или как царь Николай I, видевший свою миссию в поддержании в России и Европе монархических, легалистских и легитимных основ, в противоборстве безбожной революции. Мы ведь сегодня тоже готовы помочь европейским борцам с однополыми браками и бездуховными релятивистами. И потому протягиваем руку (в том числе и руку помощи) Марин Лё Пен и др.

Конечно, нынешняя Россия не похожа на Московское царство середины XVII в. Но некоторые ситуации чуть ли не совпадают. Послушаем С.Ф. Платонова: «Из-за Малороссии Россия... втянулась в войну с Польшей. ...Недостаток средств у правительства и плохое экономическое положение народа скоро дали себя знать. Правительству приходилось прибегать к экстренным сборам., но и их не хватало, и правительство пробовало сокращать свои расходы. Однако, видя, что все такие попытки далеко не удовлетворяют желаемой цели, оно попробовало извернуться из затруднительного положения, произвольно увеличивая ценность ходившей монеты. В то время своих золотых у нас еще не было, а в обращении были голландские и немецкие червонцы, причем голландский червонец имел ценность одного рубля, а серебряный ефимок (талер) ходил от 42 до 50 коп., и, перечекаянная его в русскую серебряную монету, правительство из ефимка чеканило 21 алтын и 2 деньги, т.е. около 64 коп., и таким образом на каждом ефимке выгадывало 15–20 коп. ...»¹.

Ну, что ж и «мы» из-за Малороссии (Украины) начали войну с Западом. Ведь в середине XVII в. Польша была единственным доступным Западом. Это не важно, что нынешняя война носит информационный, экономический, политический характер. Всё война. И сокращение правительственных расходов и взваливание бремени трудностей на население. Да и в монетарных

1. Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. – Петрозаводск: Фолиум, 1996. – С. 407.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

делах власть действует де-факто тем же методом. Кстати, и сегодня в нашем обращении тон задает не русская валюта. На смену голландским и немецким деньгам пришли евро и доллар. И так же начальники пытаются выиграть на установлении искусственных курсов. Тогда в сторону завышения стоимости рубля, сегодня – понижения. Но суть одна – заработать на монетарных манипуляциях. А не на увеличении производства и проведении адекватной социальной политики.

* * *

Если и дальше самоопределяться в русской исторической темпоральности, то, несомненно, мы вступим во «время Карамзина».

Так двадцать пять лет назад я назвал статью – предисловие к публиковавшейся мною в издательстве «Наука» «Записке о древней и новой России». Пытался объяснить, почему нам так важен и актуален Николай Михайлович. – Но теперь я понимаю: время Карамзина пришло сегодня. Тогда его начали печатать в особо крупных размерах, в том числе и то, что советскому человеку было совершенно недоступно. Ныне же двести пятьдесят лет со дня рождения великого человека и двести – с момента выхода в свет первого тома «Истории государства Российского». Серьезные даты, значительные! Но не это самое важное. На дворе эпоха, созвучная его идеям. Акрэ консерватизма: «требуем более мудрости хранительной, нежели творческой»²; «всякая новость в государственном порядке есть зло, к коему надо прибегать только в необходимости»; «для твердости бытия государственного безопаснее поработить людей, нежели дать им не вовремя свободу»³. Торжество трезвого реализма в международных отношениях: в 1815 г. он писал Александру I: «Вы думаете восстановить Польшу в ее целостности, действуя, как христианин, благодаря врагам. Государь! Вера христианская есть тайный союз человеческого сердца с Богом... Она выше земли и мира... Солнце течет и ныне по тем же законам, по коим текло до явления Христа-Спасителя; так и гражданские общества не переменили своих коренных уставов: все осталось как было на земле и как иначе быть не может»⁴. Смысл этого обращения заключался в следующем. Политика, и международная прежде всего, не подпадают под действие высшего нравственного закона. Здесь нет места для христианской морали и господствуют принципы Realpolitik. – И самое главное: мы являемся свидетелями уверенного возвращения в нашу жизнь самодержавной власти, т.е. ничем не ограниченной власти одного. Карамзин полагал это

2. Карамзин Н.М. *Записка о древней и новой России*. – М.: Наука, 1991. – С. 63.

3. Там же. – С. 74.

4. Цит. по: Миллер О.Ф. *Славянство и Европа*. – СПб., 1887. – С. 274.

важнейшим (из необходимых) условием успешного бытования России в истории. Самодержавие есть «палладиум России», утверждал он. Да, его время.

* * *

...Я же скажу: сводить русскую историю к некоему вечному, аутентичному самодержавию – и методологическая, и нравственная ошибка. То, что простительно Карамзину, – он ведь вывел свою концепцию из доступных ему материалов, – разумеется, непозволительно нам.

Недаром Н.Я. Эйдеман назвал его последним летописцем. Карамзинская концепция выросла из летописных текстов, в которых прежде всего фиксировались деяния власти. Все же остальное во многом оставалось за их пределами – и, следовательно, за пределами его внимания. Несомненно, на него повлияли и работы немецких специалистов, призванных Екатериной составить русскую историю в самодержавно-романовском духе. Не забудем и то, что Карамзин был поздним современником передряг XVIII в.: дворцовые перевороты, пугачевщина, во всем неустойчивость и непредсказуемость. Ясно, что он хватался за самодержавие как за спасительный круг – никогда не подведет. Хотя этим, разумеется, не исчерпывается вся палитра политических воззрений Николая Михайловича. Она была шире, современнее и, если можно так сказать, качественнее.

Однако и сегодня, в период интенсивного «цезаризма», немногим удается избежать искушения самодержавством. Это, кстати, проявляется не только в неподдельной любви россиян к президенту, но и в искреннем сталинобесии нашего общества, и вновь вспыхнувшем интересе к Ивану Грозному и Петру Великому, в исторической реабилитации Николая I и Александра III. При одновременном, идущем от сердца, презрении и ненависти к «оттепельным» фигурам и эпохам.

Свою задачу я вижу не в том, чтобы полемизировать с народной любовью или народным отрицанием. Дело это бессмысленное. Сердцу ведь не прикажешь. А у нас, как известно, голосуют только этим органом. Нет, мне хотелось бы показать, что в русской истории было и есть много чего несамодержавного, да и само самодержавие (в разных его временных вариантах) – штука сложная, противоречивая, не сводимая к какому-нибудь ее идеальному типу.

Мне, конечно, напомнят, что все это хорошо известно. Так-то оно так. Но, думаю, время от времени необходимо говорить об этом. Особенно в эпохи массовой любви к тому историческому явлению, которое Карамзин назвал «палладиумом России».

А еще я напомню «моим» напоминателям, что представители следующей за Николаем Михайловичем поколения подвергли ревизии его власте-

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

центричные воззрения. Никита Муравьев посмел утверждать, что история принадлежит не царям, а народам. Петр Чаадаев в письме своему парижскому корреспонденту графу де Сиркуру сообщал, что у нас в России все – плохое и хорошее – из православия. На десятилетие старше их Сергей Уваров свел карамзинское, муравьевское, чаадаевское в своей известной триаде – «Православие. Самодержавие. Народность». Ну, а потом пришли другие объяснители главного в русской истории – западники (юридическая школа), славянофилы (эдакое православное, соборное «гражданское общество») и т.д.

* * *

В связи с актуальностью карамзинско-самодержавной темы на ум приходит вот что.

У русской исторической науки, в целом великой и убедительной, есть одно, как мне кажется, «слабое» качество. Вся она настроена антибоярски, т.е. антиаристократично. Прошлое прочитывается с разных научных и идейных позиций, создана вполне стереоскопическая «картинка». Но через боярскую «призму» на нее не смотрели. Напротив, роль боярства в отечественной истории всегда трактуется с обвинительным уклоном. Даже такими учеными, как С.Ф. Платонов. А он был очень осторожен, точен, судил взвешенно и спокойно.

«Царь – хороший, бояре – плохие». Это народный приговор на все и во все времена. И любимые наши властители – те, кто рубит этим плохим головы. Ставит на их место опричников, т.е. людей случайных. «Перебрать людшек» – это ведь прежде всего о боярах. Нет ни одной попытки боярства ограничить самодержавие и получить свою долю в управлении, которая в науке и исторической памяти была бы одобрена. Что самибоярщина при маленьком Иване (будущем) Грозном, что боярская активность в период Смуты, что действия верховников в 1730-е, что... Сегодня можно узнать, что сталинский «большой террор» стал защитной реакцией Хозяина на агрессивную атаку на него партийных бояр. Которые-де пытались воспрепятствовать ему ввести демократию в СССР.

А как испугалось окружение Александра I, узнав, что в конституционном проекте М.М. Сперанского предполагалось создание Госсовета, формируемого из представителей крупнейших аристократических родов. Иными словами, Михаил Михайлович хотел завести у нас палату лордов. Мне ни разу не встретился хоть один сочувственный отклик на эту инициативу великого человека.

Пишу это не для того, чтобы вызвать симпатию к русской аристократии. Она, как и все на свете, была разной. Но сегодня, в условиях очередного подъема самодержавства, хочется вспомнить о нашей небольшой слабости.

Может все-таки преодолеем ее? И тогда по-другому будем понимать наше прошлое и настоящее. А это уже какая-никакая основа для изменения действительности.

По существу

В наши дни – думаю, не случайно, это соответствует духу времени – все чаще слышны оправдания крепостного порядка на Руси. Крупные ученые и политические деятели «убедительно» доказывают нам «raison d'être» этого института.

Действительно, крепостнически-самодержавный порядок был в известном смысле неизбежен. Это была попытка установления хоть какого-то порядка. Р. Пайпс говорит: до середины XVII в. «на Руси были оседлые правители и бродячее население»⁵. Народ, утверждал В.О. Ключевский, – жидкий элемент русской истории. Растекается по всей громадной равнине. Но это-то хорошо известно и осмыслено. На самом деле важнее другое.

Итак, всех заковали в цепи. Создали тягловые сословия. Сверху наложили вотчинную царскую власть. Это, так сказать, базис. Надстройкой выступило сотереологическо-литургическое государство и иосифлянская церковь. «Коммунизм» в одной, отдельно взятой стране (ведь отгородились, казалось бы, капитально; «железный занавес») вроде бы был построен. И все-таки не получилось. Подвел «человеческий материал». XVII столетие и особенно его середина – это и акмэ, и закат Московского царства (как конец XIX – начало XX – Петербургского). «Бунташный век» – не мы придумали, но разделяем. Причем в бунташность вписываются и раскол, и городские восстания, и Стенька и т.д. Это живая жизнь сопротивлялась упорядочиванию сверху. Ну и, разумеется, западные (киевские, белорусские, польские, «немецкие») влияния разлагали верхушку, вербовали ее в европейцев. В общем не вышло – «в одной, отдельно взятой стране».

То есть поначалу русский человек сопротивлялся, пытаясь разными путями разбить оковы. По-разински, по-пугачевски, бегом в казаки и т.д. Но прискакал металлический Всадник (Андрей Белый о Петре в «Петербурге») и цепь крепостного права, наброшенную его папой, Алексеем Михайловичем на народ (не только крестьян, всех), замкнул замком немецкого производства (этот образ принадлежит Герцену). После жуткого восстания начала 70-х XVIII в. верхи всерьез испугались. В качестве панацеи соорудили передельную общину, куда и ушел практически весь протестный пыл. Или, говоря по-простому, было найдено соответствие развития производительных сил производственным отношениям. И все бы хорошо.

5. Пайпс Р. Россия при старом режиме. – М., 1993. – С. 67.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Но вновь подвел «человеческий материал». Верхушка начиталась французских книг, наездилась в Европу, гуманизировалась и решила разрушить мир эксплуатации. Еще и Промышленная революция повлияла. В том смысле, что уж слишком опасным оказались последствия ее отсутствия. Как бы там ни было, общине скомандывали: «вольно». Не совсем сразу, но все вольнее, чем было раньше.

И что же дальше? Крепостнически-самодержавный порядок вступил в фазу «disintegration», как называл это Арнольд Тойнби, или – Untergang, по Шпенглеру. Точнее всех сказал Ленин: «реформа породила революцию». Это означает, что было нарушено соответствие развития производительных сил производственным отношениям.

Здесь одно из коренных противоречий, парадоксов, они же – особенности нашего исторического бытования. Как только находится соответствие между означенными феноменами, так начинается передельный застой (см. хрущёвско-брежневскую эпоху). Прекрасное время! Но оно чревато, поскольку исподволь разрушает самодержавно-крепостническую гармонию или коммунистическую (а ведь он был настоящий коммунизм: от каждого по труду, каждому – по потребностям; поскольку трудились не очень (как могли), так и по потребностям тоже не очень (или кто как обеспечит их сам); но принцип соблюдался). Дело в том, что если долго заниматься увлекательнейшим процессом передела, то – хочешь не хочешь – остановиться уже трудно. Поделить хочется всё – по справедливости. Включая сам самодержавно-крепостнический порядок с его особыми необщинными активами.

Так что и сегодняшнее похолодание неизбежно сменится оттепелью. Только вот во что выльется эта самая оттепель? – Хотелось бы понемножку сокращать объем передела. И переходить к социальному творчеству. На основе права и социальной безопасности для всех.

Что же нас ждет впереди

Но что разительно отличает нынешний Шестнадцатый год от предыдущих эпох, включая столетней давности, так это то, что впервые Россия не имеет проекта будущего. Как это понять? – Да, просто. Еще недавно мы хотели преодолеть наследие «лихих девяностых» и достичь к 2020 г. уровня благосостояния Португалии (один из самых низких в Европе). До этого – в 90-е – покончить с проклятым эсесеризмом и построить правовую либеральную демократию, рыночную экономику. А еще – до того – социализм с человеческим лицом, правовое социалистическое государство и к 2000 г. всем советским семьям отдельную квартиру. Развитой социализм, коммунизм... До Февраля – правовое, либеральное, конституционное социальное общество и государство. В общем все это известно.

Но сегодня никакого проекта, даже заведомо утопического, нет. Мы ищем будущее в нашем прошлом (увы, во многом вымышленном). «Верность традиционным ценностям». Пожалуй, даже соглашусь. Они – хороши. Но как быть с лидерством в Европе по абортам, сокращением населения, самоубийствам etc. Конечно, хорошо стоять против ЛГБТ – Европы. И надо обязательно стоять. Но если они все куда-нибудь уйдут, перед кем будем стоять?

Опора только на прошлое, причем, еще раз скажу, нередко вымышленное, в чем-то сродни ресурсно-сырьевой экономике. Не хватает добавленной стоимости, да и рента с нее распределяется в пользу узкого слоя начальников. Инновации необходимы только в добывающе-перекачивающем хозяйстве. И в военных делах, поскольку «верность традиционным ценностям» это не только, к примеру, нормативно-христианская семья, но и ратные подвиги предков. Меня спросят: хорошо, у нас нет проекта или он, с твоей точки зрения, не адекватен, а у европейских стран, США таковые имеются? – Развитие, поиск нового, сохранение необходимого старого. Климат, экология, медицина, благосостояние, борьба с бедностью, культура, образование и т.д. – А разве у нас не то же самое? И мы ведь говорим об этом. – Но ничего не делаем. У них же эти проекты, худо-бедно, осуществляются. Ведь проект это то, что пытаются реализовать.

«Мы рождены, чтоб сказку сделать былью». Как убийственно точны эти слова. Вот вам новая «сказка». 12 февраля 2016 года состоялась историческая встреча Папы римского Франциска и Патриарха Московского Кирилла. Действительно, историческая, «ждали» ее тысячу лет, важная, нужная, в острый момент социальных передрыг на планете. Но во всей этой радости есть одно почти незаметное обстоятельство: некоторое, совсем небольшое несоответствие. Какое же? – Говорится, что папа и патриарх не виделись тысячу лет. Это так. Только патриарх был не Московский, а Константинопольский. Это он порвал отношения с тогдашним папой. Маленькая-маленькая неточность. Однако с большим смыслом. Получается, что Московский патриарх отвечает за всех православных, живущих сегодня и живших десять столетий. Но мы знаем, что в мире существуют четырнадцать автокефальных (независимых) православных церквей. И по каноническому праву Московский патриарх стоит на пятом месте. Константинопольский – на первом. Понятно, что русская церковь сегодня и по количеству ее членов, и по мощи воздействия превосходит остальные, вместе взятые. Фактически «мы» заняли место Константинополя.

Однако, не упомянув это незначительное несоответствие, руководство РПЦ исторически и политически (канонически не получится, но кого это волнует сегодня) присвоило себе право первенства в православном мире и право говорить от лица всех православных. В некотором смысле Кирилл становится папой ортодоксальной ойкумены. – Понимаю: эти мои соображения

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

могут вызвать раздражение (извиняюсь за «рифму»). Ему бы вместе со всеми радоваться и гордиться, а он брюзжит. Я радуюсь... А небольшая историческая неточность остается.

В том числе и так верстается наш ретроспективный проект. Чуть подправленное прошлое укрепляет русские позиции в мире.

Что же касается новоявленных идеологов Святой Руси и современной России как единственной хранительницы традиционных христианских ценностей («Третий Рим»?), по совместительству – похоронщиков Запада, трупобадуров очередного Заката Европы, то они вызывают у меня сомнение. Из их уст льется брань, очевидная неправда, злобная агрессия. Возникает вопрос: а сами-то они привержены тем ценностям, о которых вещают, верят в них? – На ум приходит характеристика, данная великим русским историком С.М. Соловьёвым знаменитой триаде «Православие. Самодержавие. Народность» и ее автору – С.С. Уварову. О православии говорит атеист, о самодержавии – республиканец, о народности – человек, не прочитавший ни одной книжки по-русски. Немного ядовито, с иронией, но в точку.

...Но видения будущего все-таки нет. Почему? – Население единственной защитницы традиционных ценностей ни во что не верит, ни в какие обещания. Оно, конечно, поддерживает все, что идет с самого верха. Но примерно в том же смысле, как поддерживают приход зимы или лета. В независимости от того, что они несут. Лютый холод и свирепую жару, или умеренные погоды. А с чем спорить? Принимаем. Помните: иногo не дано. Это название самого известного сборника статей времен перестройки, самого официально-публичного «антисоветчика» (сегодня многие его авторы – видные спикеры поднявшейся с колен страны). – Действительно, оказалось: «иногo» не дано. Жаль, хотелось!

Уроки Февраля

Теперь же главное, что я хотел сказать о Шестнадцатом годе прошлого и нынешнего столетия. Это о Феврале Семнадцатого.

Пора уже начать писать книгу с таким названием. Помните: «Уроки Октября» Льва Троцкого? – Вдруг Февральская революция оказалась в центре внимания. Да, скоро столетие, но уже лет десять идет спор об этом событии (а ведь довольно долго эта революция была в тени Октября). Нет, наверное, не спор – ведь большинство согласно в главном, так что скорее обсуждение.

Современники практически солидарны в том, что это – ошибка, преступление, самоубийство, предательство и т.п. Война худо-бедно шла к концу, при всех опасениях и усталости победа была не за горами. А здесь нож в спину стране. Развязываются страшные стихии, верх берут разлад и распад,

деструкция и безответственность. Как на дрожжах растут сепаратистские настроения.

Увы, все это правда. Хотя очень горько это признавать. – Но что же произошло? – Для серьезного ответа необходимо...

* * *

...Поговорить об истоках и смыслах революции.

Понятно, что эти слова заимствованы у Н.А. Бердяева (знаменитые «Истоки и смысл русского коммунизма»). Но Русская Революция – явление гораздо более глубокое, широкое, сложное, чем русский коммунизм. Последний, при всем его, как говорили раньше, всемирно-историческом значении, «лишь» одна из нескольких составляющих Русской Революции.

Русская Революция – это не 1917 г. с его двумя революциями: Февральской и Октябрьской. Это и не 1905–1907 гг. плюс 1917 г. То есть это не совокупность даже трех революций, хотя все они – важнейшие ее события. Русская Революция – это историческая эпоха примерно между 1860 и 1930 годом. Это – семьдесят лет, жизнь человека, жизнь поколения. Она началась реформами Александра II и закончилась победой Сталина и сталинцев во внутрипартийной борьбе, сворачиванием НЭПа и коллективизацией. **Русская Революция – это период русской истории между отменой Крепостного Порядка и установлением Второго Крепостного Порядка большевиков (ВКП(б)).**

Имея в виду грандиозные изменения, которые происходили в России в 60–80-е годы XIX в., Ф. Энгельс в 1893 г. говорил: «Освобождение крестьян в 1861 г. и связанное с ним – отчасти как причина, а отчасти как следствие – развитие крупной промышленности ввергли эту самую неподвижную из всех стран, этот европейский Китай, в **экономическую и социальную революцию**» (выделено мною. – Ю. П.)⁶. Добавим: это было также революцией в социальной психологии и массовой ментальности. В начале XX столетия революция обрела политическое измерение. Таким образом, она носила универсальный (для русского общества) характер. (Не упустим и ее правового среза.)

Содержанием и целью Русской Революции была эмансипация общества и индивида. К весне 1917 г. эта цель была достигнута (какой ценой – и этот вопрос принципиальный – скажем позже). После победы движение повернулось вспять, в сторону восстановления рабства. Говоря красиво, Семнадца-

6. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1962. – Т. 22. – С. 406.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

тый был пиком – русская история взлетела к свободе и, не удержавшись, рухнула вниз.

И все-таки: о русских революциях в Русской Революции. **Одно из больших исторических заблуждений (как современников, так и нас, потомков) заключается в том, что революция 1905–1907 гг. квалифицируется как «неудачная», «незаконченная»;** рассматривается как «репетиция», «прелюдия» к 1917 г., т.е. настоящей революции. – С моей же точки зрения, эта революция, во-первых, была успешной (насколько вообще революция может быть успешной; ведь это всегда трагедия). Во-вторых, нормальной, вполне сопоставимой с некоторыми европейскими революциями, скажем – 1848–1849 гг. Причем сопоставимой и по характеру, и по интенсивности протекания, и по результатам.

Главная удача революции 1905–1907 гг. заключалась в том, что она завершилась компромиссом между властью и обществом, а не победой одной из этих двух сил. Результатом компромисса стали Конституция 23 апреля 1906 г., широкая политическая реформа и столыпинское преобразование страны.

При этом все составляющие успешного результата революции не были случайными. За каждой из них стояла своя история, своя «подготовка». Конституция подвела итог более чем столетнего – когда осмысленного, когда «инстинктивного» – продвижения России от Самовластия к конституционной и ограниченной монархии. В. Леонтович писал: «...Конституция от 23 апреля 1906 года представляла собой правовые рамки, в которых... можно было достичь политической цели, так долго остававшейся недостижимой и состоявшей в том, что монархия принимала либерализм как свою программу, а общественность сотрудничала с традиционными силами монархии при проведении в жизнь этой программы и даже находила какое-то внутреннее единство с этими силами»⁷. О том же раньше говорил и В. Маклаков: «В России были тогда две силы. Была историческая власть с большим запасом знаний и опыта, но которая уже не могла править одна. Было общество, много правильно понимавшее, полное хороших намерений, но не умевшее управлять ничем, даже собой. Спасение России было в примирении и союзе этих двух сил, в их совместной и согласованной работе. Конституция 1906 года – и в этом ее основная идея – не только давала возможность такой работы, но делала ее обязательной. Идти вперед, менять можно было только при обоюд-

⁷ Леонтович В.В. *История либерализма в России, 1762–1914.* – Париж: YMCA PRES, 1980. – С. 465.

ном согласии. Соглашение между двумя политическими силами сделано было необходимым условием государственной жизни»⁸.

Иными словами, Конституция 23.06.1906 г. создала самые благоприятные условия для продвижения России к более совершенному состоянию. Это был в высшей степени взаимовыгодный компромисс власти и общества.

Широкая политическая реформа означала признание за большей частью подданных империи политических прав и допуск их к управлению (и здесь было продолжено более чем вековое дело). Столыпинский же план предполагал фундаментальное изменение социальных, экономических и правовых условий жизни русского народа. То есть он не сводился только к решению крестьянского вопроса (хотя это и было сердцевиной), но затрагивал страну в целом, во всех ее измерениях.

6 марта 1907 г. П.А. Столыпин выступил с большой речью в Думе. В ней сформулировал программу коренных преобразований русского социума. Она «представляла собой одно из самых решительных наступлений либерализма во всей русской истории»⁹. Эта программа стала основой правительственной политики вплоть до начала войны (после убийства Петра Аркадьевича ее продолжил В.Н. Коковцев). Приведем ее основные положения: 1) **религиозная терпимость и свобода совести** – были разработаны процедуры перехода из одного вероисповедания в другое, а также создания новых религиозных общин; устранились все правовые ограничения, связанные с вероисповеданием; 2) **неприкосновенность личности** – арест, обыск и цензура корреспонденции могли иметь место только на основании судебного постановления; в случае полицейского ареста законность его должна быть проверена судом в течение 24 часов; предварительное расследование по политическим преступлениям проводят не жандармские офицеры, а судебные следователи; адвокат допускается к подзащитному уже во время предварительного следствия; предполагалось существенно изменить уголовно-процессуальный порядок, привести его в соответствие с «европейским стандартом»; 3) **совершенствование системы самоуправления** – создание нецензовых земств в волостях, расширение права голоса на земских выборах, придание земствам новых функций, ограничение надзора административных органов за деятельностью органов самоуправления; 4) **административная реформа** – создание целостной системы гражданской администрации; организация административных судов; 5) **аграрная реформа**; 6) **трудовое законодательство** – введение различных видов страхования, узаконение экономических забастовок; 7) **народное просвещение**.

8. Маклаков В. *Власть и общественность на закате старой России: (Воспоминания современника)*. – Рига, (Б.г.). – С. 585.

9. Леонтович В.В. *Указ. соч.* – С. 518.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

В этот день П.А. Столыпин говорил в Думе: «В основу всех правительственных законопроектов... положена... общая руководящая мысль, которую правительство будет проводить и во всей своей последующей деятельности. Мысль эта – создать те материальные нормы, в которые должны воплотиться новые правоотношения, вытекающие из всех реформ последнего царствования. Преобразованное... отечество наше должно превратиться в государство правовое... Правовые нормы должны покоиться на точном, ясно выраженном законе еще и потому, что иначе жизнь будет постоянно порождать столкновения между новыми основаниями общественности, государственности и... старыми установлениями и законами, находящимися с ними в противоречии»¹⁰. Таким образом, им подчеркивалось: возникающие как результат реформ правоотношения будут иметь в соответствующих законах защиту от любой попытки их нарушения, в том числе и со стороны власти. Кроме того, П.А. Столыпин имел в виду следующее: новое законодательство необходимо для того, чтобы отменить старые установления и законы, противоречащие конституционному строю, к которому перешла Россия. Иначе говоря, им ставилась задача согласования всего правопорядка страны с Основными законами в редакции 23.04.1906 г.

Да, эта революция была удачной! Кстати, еще и потому, что ни власть, ни общество не «взорвали» народ. Народный мир, пережив волнения и повышенное напряжение, все-таки устоял, сохранил равновесие.

* * *

Что касается Февральской революции, то она могла быть и могла не быть. В отличие от революции 1905–1907 гг. эта не была исторически «запрограммирована». Более того, даже состоявшись, имела возможность развиваться иначе. В этом ее отличие от Октябрьской революции.

Почему же произошла Февральская революция? – Ставя этот вопрос, мы имеем в виду не влияние войны (а оно было; и было одной из причин революции), не неэффективные, а порой безответственные действия властей (включая Николая II), не «заговор» военных, не недальновидность и (тоже) безответственность «общественников», не стечение обстоятельств (снежная зима, затруднения в подвозе к Петрограду хлеба, очень холодная погода с внезапным к концу февраля – началу марта потеплением, когда жители города, «засидевшись» дома, высыпали на улицу и т.д.) и т.д. Это все причины важные, но, так сказать, важностью второй очереди.

10. Столыпин П.А. Речи, 1906–1911. – Нью-Йорк: Телекс, 1990. – С. 37.

По большому счету, Февральская революция произошла потому, что, к сожалению, ни общество, ни власть не поняли: революция **уже** (в 1905–1907 гг.) **была**. И максимум того, что общество могло тогда «переварить», оно получило. И максимум того самоограничения, на которое тогда могла пойти власть, она установила. Таким образом, всем следовало оставаться в этих рамках, рамках исторического компромисса власти и общества и в рамках Конституции, не выходить за них, искать там соглашения и решения вопросов. Может быть, после войны эти рамки и расширились бы. Виновны обе стороны: царь и бюрократия (не вся, конечно) стремились к сужению этих рамок, общество стремилось их раздвинуть. И те и другие хотели выйти из этого исторического «договора».

Зимой 1917 г. общественникам померещилось: час настал. Власть **можно** взять в свои руки. За годы войны их влияние, практическая сноровка и самооценка резко выросли. Власть же напротив, казалось, не знала, **что** делать. Суетилась, куда-то пропали адекватные люди. – Все получилось очень легко. Дунул теплый мартовский ветер, и императорскую Россию снесло. Сто лет отчаянной, смертной борьбы с царским режимом, а финал схватки – почти оперетта. Почему? Вот главный вопрос к Февральской революции.

* * *

А вот и ответ: русское государство, русская институциональная система, даже русская полицейщина – при всех их грозности, грузности, громадности, при всех страхах, которые они наводили (наводят – это сохранилось) на ближних и дальних – чрезвычайно неустойчивы, неэластичны, неэффективны, но: хрупки и ненадежны. И чуть что, разлетаются вдребезги, в щепки, в ничто. (События 1991 г. подтверждают это.) – Вот и тогда, в начале 1917-го легкий мартовский ветер уронил Россию как Институт. А власть царь сдал добровольно (и противозаконно: нарушил и Конституцию, и закон прапрадеда Павла о престолонаследии). Общественники взяли у него власть в самом прямом смысле: как мы у кого-нибудь берем ключ и поселяемся в комнате, квартире, гостиничном номере. – Всё. Спор был закончен. Либералы (всех оттенков, включая консервативных) и социалисты (всех оттенков, включая радикальных) получили страну в свои руки.

Но вот уже почти девяносто лет историки задаются вопросом: куда «слиняло» общество летом-осенью (особенно осенью) 1917 г.? – А ведь оно имело за плечами весьма приличный политический опыт, умение самоорганизоваться, разветвленную по всей России сеть различных союзов, партий и т.д., деньги, наконец. К примеру, современный российский исследователь В.М. Шевырин убедительно рассказывает нам о громадной по своему размаху деятельности Всероссийского союза городов, Земского союза и Централь-

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

ного Военно-промышленного комитета в годы мировой войны. Это были подлинно всероссийские организации. Скажем, в Союз городов входило 630 городов, а в Земский союз – 7728 учреждений. Они организовывали госпитали, пункты питания, стирку белья, бани, помогали беженцам. Были активны в тылу, на фронте, на путях следования войск, раненых и беженцев¹¹.

Еще раз скажу: между 1914 и 1917 годом «общественники» очень выросли и организационно, и политически. Почему же их противостояние тенденциям, которые вели к Октябрю, оказалось крайне неэффективным?

Ответ на этот вопрос связан с ответом на главный вопрос русской революции: что такое Октябрь 1917 г.? – Его мы не поймем, если не скажем еще об одной Революции, которая развивалась параллельно и синхронно Русской Революции, и тоже в России. Это была Революция крестьянства, т.е. Революция более 100 млн человек, подавляющего большинства населения страны.

Следовательно, для того чтобы уяснить, что происходило в России между примерно 1860 и 1930 гг., надо исходить из факта двух одновременных, «пересекающихся», «диффузирующих» друг в друга, однако самостоятельных революций. Каждая из них имела свое собственное содержание и смысл, характер и цели (если позволительно говорить о целях исторического процесса).

Но почему две революции? – Это следствие фундаментального раскола России на две субкультуры в результате преобразований Петра I. Об этом в свое время точно сказал В.О. Ключевский: «...Из древней (допетровской. – Ю. П.) и новой России вышли не два смежных периода нашей истории, а два враждебных склада и направления нашей жизни, разделившие силы русского общества и обратившие их на борьбу друг с другом, вместо того чтобы заставить их дружно бороться с трудностями своего положения»¹². А до него А.И. Герцен: «Две России с начала XVIII столетия стали враждебно друг против друга. С одной стороны, была Россия правительственная, императорская, дворянская, богатая деньгами... С другой стороны, – Русь черного народа, бедная, хлебопашенная, общинная, демократическая, безоружная, взятая врасплох, побежденная... Что же тут удивительного, что императоры отдали на разграбление своей России, придворной, военной, одетой по-немецки, образованной снаружи, Русь мужицкую, бородатую, неспособную оценить привозное образование и заморские нравы, к которым она питала глубокое отвращение»¹³. И он же: «...Две разных России... община и дворянство, более

11. Шевырин В.М. *Власть и общественные организации в России, (1914–1917)*. – М.: ИНИОН РАН, 2003. – С. 46–54.

12. Ключевский В.О. *Неопубликованные произведения*. – М.: Наука, 1983. – С. 363.

13. Герцен А.И. *Избранные философские произведения: В 2 т.* – М.: Политическая литература, 1948. – Т. 1. – С. 267.

ста лет противостоящие друг другу и друг друга не понимавшие. Одна Россия – утонченная, придворная, военная, тяготеющая к центру – окружает трон, презируя и эксплуатируя другую. Другая – земледельческая, разобщенная, деревенская, крестьянская, находится вне закона»¹⁴.

Итак, возникли две России – не понимающие друг друга, разнящиеся по всем базовым цивилизационным и культурным характеристикам. Обе они зажили собственными жизнями. Правда, одна находилась у другой в рабстве. – Здесь необходимо подчеркнуть: будущие фигуранты Русской Революции – власть и общество – принадлежали к одной субкультуре – верхней, европеизированной, созданной Петром Великим.

Этот раскол России во многих отношениях определял ее историческое развитие в XVIII–XIX столетиях.

Таким образом, каждая из двух субкультур переживала свою собственную революцию. Но этого тогда никто не знал и не понимал...

* * *

Теперь о крестьянской революции. У нее было несколько измерений. Одно из них – знаменитый «аграрный кризис». Его диспозиция такова: демографический взрыв второй половины XIX – начала XX в. привел к перенаселению в деревне¹⁵; к этому времени были распаханы все доступные тогда целинные земли, экстенсивный же характер земледелия сохранялся; в общине началось имущественное расслоение на богатых, средних и бедных. Ситуация потенциально становилась взрывоопасной.

Сначала ведомое С.Ю. Витте «Особое совещание по сельскохозяйственным нуждам» (1902–1905) пыталось теоретически разобраться с этой проблемой, затем П.А. Столыпин и его последователи (1907–1914) решить ее – известным способом – практически. Однако спровоцированная Февралем **общинная революция** покончила со столыпинской реформой, почти полностью уничтожив ее результаты. – А 28 июня 1917 г. Временное правительство (инициатива министра-эсера Виктора Чернова) принимает решение, запрещающее столыпинское разверстование земли и фактически частную собственность на землю.

14. Герцен А.И. Письма издадека: Избранные лит.-крит. ст. и заметки. – М.: Современник, 1984. – С. 208.

15. Попутно заметим: между 1880 и 1910 г. демографический взрыв пережили большинство крупных стран Европы (за исключением Франции): Австро-Венгрия – 30% (прибавки населения), Великобритания – 26, Германия – 43, Россия – 50%. Это одна из причин Первой мировой и всех последующих европейских революций.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Иными словами, общественники сдаются перед разворачивающейся крестьянской революцией. И дело здесь не в том, что в их рядах возобладала эсеровская линия, а линия Витте – Столыпина – кадетов оборвалась. Эсеровщина и стала последним словом общественников – говоря выпендрено – на суде истории, потому что столыпинщина обломала зубы о хребет передельной общины.

Так где же корни крестьянской русской революции? – К концу XVIII столетия – ходом событий, властью, помещиками (во многом как реакция на пугачевщину) – была создана передельная община. Ввели «тягло» – справедливую, равную систему распределения платежей и рабочей (трудо-вой) повинности. Цель была одна: поддержание равенства – нет бедных, нет богатых, нет пугачевых, нет бунта. А в основе всего – перманентное перераспределение, передел земли и уравнивание всех. Таким образом, социальная энергия миллионов русских мужиков канализируется во внутрь. Купируется возможность социального взрыва, выброса излишка энергии. Но перманентно-передельный тип социальности (уточним: передельная община рождается не только и, может быть, не столько в результате определенных действий определенных людей) – во многом следствие многовековой адаптации населения к природной русской бедности, к «запрограммированной» в этих северных широтах скудости вещественной субстанции. Что, кстати, «предполагает» низкий уровень потребления.

Самодержавно-помещичья социальная гармония закончилась, когда разразился «аграрный кризис». Экстенсивно-передельный инстинкт Всероссийской Общины выразился во все возрастающем стремлении к захвату помещичьих, государственных и пр. земель. Столыпинская земельная реформа вроде бы указала нормальный (в смысле: не кровавый) путь выхода из этой крайне опасной для всех ситуации. Действительно, ее успехов, особенно если принять во внимание, что на все про все история «выделила» лишь семь лет, недооценивать нельзя. – Однако пришел 1917 год, и в результате известных причин вновь поднялся уравнительно-передельно-захватный общинный вал.

* * *

Вот здесь-то большевики и оказались у кассы истории. И взяли ее. Непопулярный в научных кругах Р. Пайпс пишет: «Есть в русском языке слово “дуван”, заимствованное казаками из турецкого. Означает оно дележ добычи, которым обычно занимались казаки южных областей России после набегов на турецкие и персидские поселения. Осенью и зимой 1917–18 годов вся Россия превратилась в предмет такого “дувана”. Главным объектом дележа была сельскохозяйственная собственность, которую Декрет о земле от 26 октября (1917 г. – Ю. П.) отдал для перераспределения крестьянским общинам. Именно

этим переделом добычи между крестьянскими дворами в соответствии с нормами, которые свободно устанавливала каждая община, и занимались крестьяне до весны 1918 года. На это время они потеряли всякий интерес к политике»¹⁶.

Молодцы большевики! Нашли дело для русского народа. А сами быстро укрепляли свой режим. В январе 1918 г. провели еще одну революцию – разогнали Учредительное собрание и самоучредились в Советскую республику.

Большевики вправду нашли дело для всего русского народа. «Дуван» проходил и в промышленности (фабзавкомы и «рабочий контроль» свелись к разделу доходов, имущества, оборудования предприятий), и в армии (прежде чем отправиться домой, солдаты грабили арсеналы, склады и т.д.), и в государственной сфере. Да-да, государство тоже стало «предметом» передела. Об этом – тот же Р. Пайпс: «...Зимой 1917–18 годов население России занималось дележом не только материальных ценностей. Оно растаскивало русское государство, существовавшее в продолжение шести столетий: государственная власть тоже сделалась объектом “дувана”. К весне 1918 года вторая по величине Империя мира распалась на бесчисленные политические образования...»¹⁷.

Таким образом, большевистская революция во многом была именно переделом власти государства. Нельзя сказать, что ленинцы все это придумали. Тем не менее «официальный лозунг “Вся власть Советам” облегчал этот процесс, позволяя региональным советам различных уровней – краевым, губернским, уездным и даже волостным и сельским – требовать независимой власти на подчиненной им территории. Результатом стал полный хаос»¹⁸.

Еще раз: передел земли, фабрик и заводов, армейского имущества и – как высшая форма передела – власти-государства. Конечной же «монадой», на которую передел власти не покушался, была *волость*. Здесь властный передел остановился. Внутри волости шел передел земельный. На границах волости – и это не случайно – встретились два главных русских передела. – Напомним всем хорошо известное: слово «власть» происходит от слова «волость». То есть, видимо, *волость* является первичной ячейкой русской власти. **Кроме того, именно на волостных рубежах от энергий двух этих переделов (власти и земли) рождается ключевой феномен истории России – властесобственность.** (Фундаментальность волости хорошо понимал крупнейший российский государствовед, юрист и историк Н.Н. Алексеев

16. Пайпс Р. *Создание однопартийного государства в Советской России, (1917–1918) // Минувшее. Исторический альманах. – М.: Прогресс, Феникс, 1991. – С. 91.*

17. Там же. – С. 93.

18. Там же.

(1876–1964): «Известное количество сельских советов объединяются в некоторое высшее целое, именуемое волостью. Эту административную единицу советский строй унаследовал от старой России – и не только петербургской, но и древней, московской... Волость осталась в качестве органа местного крестьянского самоуправления после реформ императора Александра Второго. Большевики связали старую волость с советской системой...»¹⁹.

Но все далеко не так просто с этой русской передельной общиной, учинившей революцию, которая смела все результаты деятельности послепетровской европеизированной субкультуры (хотя и сама она не была незаконным, побочным «ребенком» этой субкультуры). – Исследования общины давно уже показали: ее экзистенция строится на двух противоречащих друг другу тенденциях (обычаях-институтах) – к становлению нормальной частной собственности на землю и необходимости постоянно поддерживать принцип «равных для всех оснований» (перманентный передел). Общим местом этих исследований стало утверждение, согласно которому антагонистические отношения этих тенденций несли в себе зерно разрушения общины. В конечном счете должен был, полагали аналитики, победить один из двух принципов. Но они ошибались.

Эволюция общины после завершения общинной революции 1917–1922 гг. и до начала коллективизации 1929 г. показала: обе эти тенденции – обязательные условия ее существования. Саморазвитие общины шло не в двух противоположных направлениях. Как бы это парадоксально ни звучало, но эти тенденции были лишь разными проявлениями одной «субстанции».

В скобках заметим: субстанция общины тоже менялась. Община становилась более открытой миру, более гибкой, принимавшей теперь и определенное неравенство, и новые формы организации – кооперацию, в первую очередь. То есть не исключено, что община трансформировалась бы в нечто социально устойчивое, эффективное, адекватное русской Современности, в нечто в духе Чайнова – Кондратьева... Однако, как мы знаем, общине сломали хребет в 1929 году.

Так что же, большевики пришли к власти на волне общинной, крестьянской революции, на волне общенационального «дувана», место для которого было расчищено затуханием революции европеизированной субкультуры, подъемом той же общинной революции, войны, развалом государства? – Да, без этого большевики не победили бы.

¹⁹ Алексеев Н.Н. *Русский народ и государство*. – М.: Аграф, 1998. – С. 329.

* * *

В 1917 г. «столкнулись» две Революции. Столкнулись, как поезда. И подобно железнодорожной катастрофе произошла историческая катастрофа. Оба поезда сошли со своих путей.

К весне-лету 1917 г. Революция европеизированной субкультуры достигла всех своих целей. Здесь бы ей остановиться, передохнуть, «подумать» и начать строить. Но **именно в этот момент в нее врзалась Революция традиционалистской, крестьянской субкультуры.** Ее мощь лишь начинала разворачиваться. **Большевики сумели сыграть на этом столкновении:** на «временном» угасании одной Революции и подъеме другой. Развал государства и армии дал еще одну волну мощного разрушительного свойства.

* * *

Одна из важнейших тем в деле понимания Революции – соотношение Февраля и Октября. Сколько же об этом написано! Какие интеллектуальные силы участвовали в решении этой задачи! И что же? – В общем и целом имеются две позиции. Первую занимают либералы, которые убеждены: Февраль – это хорошо, Октябрь – плохо. Общего у них нет. Более того, Октябрь есть отказ от Февраля и его отрицание. Вторую позицию занимают все остальные. Когда-то в свойственной ему манере (мы бы назвали ее нагло-самоуверенным экспрессионизмом или отвратительно-талантливым журнализмом) Л.Д. Троцкий описал ее следующим образом: «Февральская революция была только оболочкой, в которой скрывалось ядро Октябрьской революции. История Февральской революции есть история того, как Октябрьское ядро освободилось от своих соглашательских покровов»²⁰. Февраль и Октябрь, говорил он, связаны между собой так же, как зерно, породившее колос²¹.

Если отбросить характерные для вождя большевиков «соглашательские покровы» и соответствующие (для троцких) коннотации, то можно утверждать, что **так** полагает подавляющее большинство думающих о Революции. А разве позиция А.И. Солженицына иная? – Вот, например: «Если в Феврале было мало крови и насилия и массы еще не раскатились, – то все это ждало впереди: и вся кровь, и все насилие, и захват народных масс, и сотрясение народной жизни... Наша революция разгуливалась от месяца к месяцу Семнадцатого года – вполне уже стихийно, и потом Гражданской войной, и миллионным же чекистским террором, и вполне стихийными

20. Троцкий Л.Д. *История русской революции: В 2 т. – М.: ТЕРРА, Республика, 1997. – Т. 1. – С. 25.*

21. Там же.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

крестьянскими восстаниями, и искусственными большевицкими голодами по 30, по 40 губерний – и может быть закончилось лишь искоренением крестьянства в 1930–1932 и перетряхом всего уклада в первой пятилетке. Так вот и катилась революция – 15 лет»²². – Мастерски выстраивает Александр Исаевич сущностную хронологию Русской Революции, показывая как из одного «разгуливается» другое, как от исходной точки – Февраля – приходим к чекистскому террору. А изучая протоколы работы Временного правительства, он видит: «Накатывается... продовольственная реформа..., через которую мы начинаем уже с мурашками угадывать большевицкие продотряды»²³.

Какая же из этих позиций адекватная или хотя бы ближе к истине? – Обе, и одновременно не та и не другая. Разумеется, правы либералы, защищающие *свой* Февраль. Какой террор, какая гражданская война, голод, истребление крестьянства? – **Сто лет послепетровская европеизированная субкультура шла к самоэмансипации и эмансипации русского общества.** С 60-х годов XIX столетия, о чем мы уже говорили, в стране начались революционные изменения. Наконец, к Февралю 1917-го достигли всех целей. И **содержательно** эта революция себя исчерпала. Да, она не сумела построить новую, демократическую Россию. Но ведь это уже задача пореволюционная...

Однако правы и сторонники второй позиции (вот парадокс: трудно найти менее схожие исторические фигуры, чем Троцкий и Солженицын, а в этом – ключевом для русских – вопросе по сути дела стоят на одной позиции). Конечно, Февраль развязал руки Октябрю. Событийно, конкретно-исторически одно перетекло в другое. И главные действующие лица этой драмы как-то очень плавно и убедительно сменили друг друга: сначала царская бюрократия и либерально-социалистическая общественность, затем либералы и социалисты, социалисты и большевики и, наконец, только БОЛЬШЕВИКИ.

Тогда в чем же ошибочность обеих позиций? – И та и другая – поверхностны. Они не идут в глубь социальных процессов, развертывавшихся столетиями. Нужен **принципиально** иной взгляд на Русскую Революцию, иной подход.

* * *

Мы должны понять структуру Русской Революции.

Первое. Она (1860–1930) была двойной комбинацией трех революций. С одной стороны, это 1905 г., Февраль и Октябрь 1917 г. (как нас учили в школе). С другой – Эмансипационная революция послепетровской европеи-

22. Солженицын А.И. *Размышления над Февральской революцией.* – М.: НИК «Российская газета», 2007. – С. 78.

23. Там же. – С. 74.

зированной субкультуры, предвестниками которой выступили декабристы и которая победила весной 1917 г. Победила и почил в Бозе. Свои задачи она выполнила, а строить новое ей было не по силам, не по плечу. Общинная же революция второй послепетровской субкультуры была традиционалистской, почвенной, старомосковской. Она началась весной 1917 г. и, по мнению специалистов, закончилась к 1922 г. Ее результат: *все* пахотные земли России наконец-то принадлежали Общине, столыпинская же реформа – последнее, что могла предложить ей европеизированная субкультура, – была похоронена.

Второе. Ничего общего – содержательно – между двумя этими революциями не было. Это – следствие послепетровского раскола на две субкультуры. Но, разумеется, и мы отмечали это, дело происходило в одной стране, и потому эти революции «пересекались», сталкивались, «вмешивались», диффузировали друг в друга. Эмансипационная революция лезла в деревню, проводила там реформы, провоцировала и т.д. Процессы, происходившие в общине, безусловно, затрагивали город (разными способами и путями, сейчас об этом говорить не будем) и всю европеизированную субкультуру в целом. Тем более что барьеры между ними постепенно рушились. Вместе с тем *имплицитно* общинная революция была направлена против «русских европейцев», европеизации и модернизации России. Против всего этого «восставали» те ценности, традиции, модели социальной психологии и социального поведения, которые в своей известной работе о русской революции (1906 г.) Макс Вебер квалифицировал как «первобытный коммунизм».

Третье. Большевицкая революция пришла на историческую «площадку», которую ей расчистила (от государства) Эмансипационная революция. Причем пришла в тот момент, когда «эмансипаторы» полностью выдохлись. Это было весной и летом 1917 года. И уже вовсю полыхала Общинная революция, которая не только не мешала, но в высшей степени им способствовала и была ими использована (мы уже говорили об этом).

* * *

Выше мы вскользь упомянули, что Февраль в каком-то смысле был юридически «запрограммирован». Объясним в чем. – Мне много раз приходилось писать о неслучайности и адекватности Конституции 1906 г. Об этом же много раз говорили выдающиеся русские правоведы, общественные деятели, ученые.

Однако нельзя не сказать и об определенной «лжи» этой Конституции. В ее политико-правовое измерение (систему) были «втиснуты» два прямо противоположных друг другу института и принципа.

Первый – императорская власть, обладавшая суверенитетом, т.е. монопольно владевшая источником всех властей и законов; иначе говоря, сама

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

и бывшая этим источником. Имевшая также все виды легитимности: сакральную (от Бога), «демократическую» (Романовы избраны на царство Учредительным Земским Собором 1613 г.), исторически-преемственную (правили страной триста лет) и формально-юридическую (закон о престолонаследии Павла I). Основные законы 1906 г. закрепляют все эти легитимности в конституционном тексте современного образца. Тем самым придают ей еще один вид легитимности – конституционно-правовой.

Второй – Дума, имевшая демократическую легитимность, т.е. по избранию, конституционно-правовую (по Основным законам), и издающая общеобязательные для всех без исключения россиян законы. Если к этому добавить, что согласно конституции империи Судебный Сенат – высшая судебная (кассационная) инстанция – обладал правом принимать решения, которые никем, включая императора, не могли быть обжалованы, то получается, что Дума плюс Сенат составляли вместе систему власти, потенциально альтернативную императорской. И хотя юридически в рамках Основных законов 1906 г. императорская власть была сильнее, чем «законодательно-судебная», социальный расклад и ситуация в обществе менялись явно в пользу новой системы власти. Это сознавали и представители императорской власти, и сторонники парламентско-судебной.

Да, Конституция 1906 г. была историческим компромиссом короны и общества. Но и одновременно возможным потенциальным источником нового взрыва. То есть Февраль Семнадцатого юридически был заложен в Основных законах. Другое дело, что можно было этим источником не воспользоваться. Воспользовались. Именно Временный комитет IV Государственной думы уничтожил императорскую власть. Это один из важнейший уроков Февраля.

Ода Февралю

Ну, хорошо, все это так. Февраль – трагическое событие нашей истории. Стыдное. Посыпем голову пеплом. – Почему же тогда огромное количество выдающихся и самых простых людей Империи были рады, да что там рады – счастливы. Их охватило какое-то пасхальное настроение (с Пасхой сравнивали первые дни после отречения Николая II многие современники и мемуаристы). Что-то подобное Питер пережил ровно за 116 лет до этого. После убийства Павла I (11 марта 1801 г.), как свидетельствует Карамзин, «все» погрузилось в лихорадку счастья, восторга, парящей легкости. В чем же здесь дело? В обоих случаях массовый психоз? И что за взрыв безответственного веселья?

Как всегда, нам поможет объяснить это великая русская литература – в лице Бориса Пастернака и Осипа Мандельштама. Борис Леонидович в своем

несравненном «Весеннем дожде» (весна 1917 г.) (обратите внимание на название) пишет (не поленимся прочитать это): «Усмехнулся черемухе, всхлипнул, смочил / Лак экипажей, деревьев трепет. / Под луною навькате гуськом скрипачи / Пробираются к театру. Граждане, в цепи! / – Лужи на камне. Как полное слез / Горло – глубокие розы, в жгучих, / Влажных алмазах. Мокрый нахлест / Счастье – на них, на ресницах, на тучах. / – Впервые луна эти цепи и трепет / Платьев и власть восхищенных уст / Гипсовую эпопею лепит, / Лепит никем не лепленный бюст. / – В чьем это сердце вся кровь его быстро / Хлынула к славе, схлынув со щек? / Вот она бьется: руки министра / Рты и аорты сжали в пучок. / – Это не ночь, не дождь и не хором / Рвущееся: «Керенский, ура!», / Это слепящий выход на форум / Из катакомб, безысходных вчера. / – Это не розы, не рты, не ропот / Толп, это здесь, пред театром – прибой / Заколебавшейся ночи Европы, / Гордой на наших асфальтах собой».

В характерной для молодого Пастернака поэтике история, современность, политика объясняются через природные явления – весна, дождь, черемуха, деревья, лужи, розы, тучи и т.д. Весна – пробуждение, начало жизни, счастье, свежесть, восторг («полное слез горло»). И всему этому соответствует Керенский, более того, является подобием и олицетворением. Он аккумулирует энергию этого весеннего восторга и изливает ее на послушные ему толпы. Это он выводит к свету и радости, творчеству и свободному созиданию миллионы томившихся в «катакомбах, безысходных вчера». Более того, Пастернак включает русскую революцию в европейский (значит, мировой) контекст. Да еще как! Она и ее персонификатор выступают чуть ли не спасителями Европы (читай: мировой культуры и благоустройства), которая как-то заколебалась (война, бойня, смерть), но вновь обрела гордость «на наших асфальтах».

Суммирую: Февраль и первые за ним месяцы – это великий финал (увы, не начало, как думалось многими тогда) многодесятилетней (от декабристов) эмансипационной деятельности («жизни и судьбы») нашей интеллигенции, общественников, тех, кто мечтал и боролся за свободную, современную, справедливую Россию. Есть два возможных подхода к Февралю. Это дебют, приведший к кровавому Октябрю и Гражданской. Или эндшпиль длительного периода постепенного обретения свободы. В реальной жизни было и то, и то. Но нельзя игнорировать и «весеннюю» сторону событий весны Семнадцатого.

И еще одно соображение. В последнее время все мы (ну, почти все) печалимся о той прекрасной и много обещавшей дореволюционной России. Правильно делаем: это была (по моей терминологии) приемлемая страна, шедшая в нужном направлении. Параллельно мы отвергаем всякие (все) революции. К тому же, как это недавно выяснилось, – они «цветные», да еще и криминальные (кстати, на языке уголовников «цветной» означает «полицейский»); и это интересный поворот в определении любой революции, которые, повторю,

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

все цветные; для точности: речь идет о своей полиции, а не чужеземной). От революции же у современных идеологов рукой подать до оппозиции. Которая не просто имеет свою точку зрения и стремится поправить дела в обществе, нет, она на 99% – «пятая колонна», «враг народа», «иностранный резидент».

Но вот в предреволюционные годы большинство интеллигенции и общественников самоопределялось иначе. Себя и свою родословную они отождествляли именно с протестным, антирежимным движением. Подчеркиваю: речь идет не только о «бомбистах», но о широком круге просвещенных и обеспеченных людей. – Вновь обратимся к Б. Пастернаку, к его поэтическому свидетельству. Надо сказать, что несмотря на то, что он родился в еврейской семье, его родители, братья, сестры были в полной мере вписаны в социальный порядок и культурный истеблишмент. Они не относились к разряду изгоев, париев, аутсайдеров. Это типичное самопонимание умеренного и далекого от политики человека.

Поэма «Девятьсот пятый год», глава «Отцы»: «Это народовольцы, / Перовская, / Первое марта²⁴, / Нигилисты в поддевах, / Застенки, / Студенты в пенсне. / Повесть наших отцов, / Точно повесть / Из века Стоартов, / Отдаленней, чем Пушкин, / И видится, / Точно во сне / – Да и ближе нельзя: / Двадцатипятилетье – в подпольи. / Клад в земле, / На земле – / Обездушенный калейдоскоп. / Чтобы клад откопать, / Мы глаза / Напрягаем до боли. / Покорясь его воле, / Спускаемся сами в подкоп. / – Тут бывал Достоевский, / Затворницы ж эти, / Не чаяв, / Что у них, / Что ни обыск, / То вывоз реликвий в музей, / Шли на казнь / И на то, / Что красу их подпольщик Нечаев, / Скрыл в земле, / Утаил / От времен и врагов и друзей. / Это было вчера. / И, родись мы лет на тридцать раньше, / Подойди со двора, / В керосиновой мгле фонарей, / Средь мерцанья реторт / Мы нашли бы, / Что те лаборантши – / Наши матери / Или / Приятельницы матерей».

Для людей этого типа (культурный, политический, экономический авангард России) Февраль показался и был в первые недели (даже месяцы) моментом долгожданного освобождения и реализации почти вековой мечты. Да, ведь и бомбисты хватались за бомбы не только потому, что, во-первых, были злодеи, а во-вторых, ничего другого делать не умели (и не хотели). Вспомним выступление на суде Александра Ильича Ульянова. Он сказал, что власть не дает интеллигенции обратиться к народу и участвовать в формировании общественной жизни. И поэтому они вынуждены обратить на себя внимание *таким* образом. – Не соглашаюсь с этим, но свои резоны, своя правда у старшего Ульянова была.

24. *Первое марта 1881 г. – убийство Александра II.*

Теперь – Мандельштам. Если Борис Леонидович приветствовал Февраль и Керенского весной Семнадцатого, так сказать, «на входе», то Осип Эмильевич – оплакивал в ноябре, «на выходе». Этим двум прямо противоположным ситуациям полностью соответствуют их разнящиеся поэтики. У Пастернака – экзотически-восторженная, задыхающаяся, совершенно неожиданная в сближениях, определениях, переходах, не всегда сразу-доступная, как будто путающаяся, не замечающая обыденности, рвущаяся к каким-то новым смыслам и пространствам (аналог ей новая физика начала XX в. и особенно квантовая физика). У Мандельштама – неоклассическая, акмеистская, выверенная, точная до дрожи, формально безупречная, – но решающий шаг за пределы видимого, осязаемого, наличного мира сделан. Обретен совершенно новый голос в русско-мировой поэзии: печально-погребающий, спиритуально-торжественный. Не вызывающий сомнения, что он имеет на *это* высшее право (при всех глубочайших различиях это же можно сказать об Анне Ахматовой).

Ноябрь 1917 г., Февраль сметен, Керенский выброшен из актуальной русской истории. Раздается реквием, Мандельштам прощается от имени России («ки неподкупный голос мой был эхом русского народа»): «Когда октябрьский нам готовил временщик / Ярмо насилия и злобы, / И ошетинился убийца-броневик / И пулеметчик низколобий, – / – Керенского распять! – потребовал солдат, / И злая чернь рукоплескала: / Нам сердце на штыки позволил взять Пилат, / И сердце биться перестало! – И укоризненно мелькает эта тень, / Где зданий красная подкова; / Как будто слышу я в октябрьский тусклый день: / Вязать его, шенка Петрова! – Среди гражданских бурь и яростных личин; / Тончайшим гневом пламенея, / Ты шел безтрепетно, свободный гражданин, / Куда вела тебя Психея. / – И если для других восторженный народ / Венки свивает золотые – / Благословить тебя в далекий ад сойдет / Стопами легкими Россия».

Казалось бы, – голос Ахматовой: «все расхищено, предано, продано, / Черной смерти мелькало крыло, / Все голодной тоскою изглодано», – но Мандельштам, даже в сравнении с Пастернаком, поднимает наше понимание Керенского, следовательно и Февраля, на новый уровень. Это лучший во всех смыслах памятник Событию и центральному человеку. Это по природе своей неревизируемое понимание Эмансипационной революции и ее вождей. Это наперед, на вырост, на столетие единственное определение соотношения Февраль – Октябрь. Даже А.И. Солженицыну, потомуку и продолжателю Аввакума, Достоевского и Толстого, не удалось его «снять».

Распять, Пилат, злая чернь, октябрьский временщик, шенок Петров, свободный гражданин, благословляющая его в аду Россия. Да, в аду – это ответственность за поражение (но ведь и Христос в известном смысле тоже потерпел поражение...). Михаилу Булгакову потребовалось около десяти лет,

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

чтобы написать, по большому счету об этом же, многостраничный гениальный роман, Осипу Манделштаму – двадцать строк.

Помните реакцию М.И. Кутузова на непреодолимые трудности французов в захваченной ими Москве – «Россия спасена». Имея два этих (Бориса Леонидовича и Осипа Эмильевича) свидетельства, можно с уверенностью утверждать: Февраль, Керенский, князь Львов, другие спасены, оправданы, защищены, направлены на вечное хранение в золотой фонд русской истории.

Пишу через девяносто девять лет после События, знаю, что было потом, вместе с другими поучительно говорю об ошибках, безответственности, непонимании и т.п. всех этих царей, генералов, министров, общественников и т.д., но почему-то в голову лезет не имеющее отношение к этому (просто по другому поводу): «Февраль. Достать чернил, и плакать / Писать о феврале навзрыд...»

Навзрыд...

Февраль и его деятели проиграли все на свете (и себя тоже, про нас и говорить нечего). Спустя девяносто девять лет его (и их) идеалы и ценности являются для русского общества путеводной звездой.

Заключение

Как закончится нынешний Шестнадцатый. Станет ли он началом чего-то. Или продолжением. Заключением?